

ВИКТОР ФИРСОВ

СЛУХИ О ЖИЗНИ

сборник рассказов

Виктор Фирсов

Слухи о жизни

<https://litres.ru/74680332>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед вами сборник рассказов, с названием, которое говорит само за себя. В обыденной жизни, если поискать, всегда можно найти нечто удивительное. Вот и решено было собрать вместе особенно дорогие для меня небылицы о нашем общем и моем существовании. Себе в помощь я призвал героев этих рассказов: человека без головы, доктора Пфаца, который доктором не был, человека-неслышимку, потерявшего в жизни, Ганса Шлюхера, спасшего мир, и многих других. Мы погуляем по закоулкам Лабиринта и откроем тайну Башни, отправимся в Новую Каледонию, займемся медитацией при ходьбе и другими удивительными вещами. Рассказы получились разные: смешные и горькие, большие и крошечные, поучительные и абсурдные. Все как в жизни. Есть жизнь, и есть слухи о жизни. Давайте посмотрим, в чем разница.

Виктор Фирсов

Слухи о жизни

Без головы

Двадцатый век принес нам немало удивительных событий, некоторые из которых в самом деле произошли, другие имели место, но не так, как принято считать, а остальные никогда не происходили. Просвещенный читатель сразу вспомнит многочисленные экспедиции к центру Земли и обнаружение змеи с четырьмя ногами, создание мармеладной бомбы и начало беспосадочных перелетов из Нью-Йорка в Нью-Йорк. Не удивительно, что из поля зрения историков бесследно выпал весьма примечательный факт — рождение человека без головы.

Случилось это чрезвычайное происшествие в неприметной прусской деревушке где-то между двумя мировыми войнами. Младенец, вопреки здравому смыслу, как и полагается, после своего появления на свет кричал, но чем он кричал, никто в деревне понять не мог. Кушать ребенок не просил, но рос довольно-таки быстро. Несмотря на отсутствие головы и, разумеется, головного мозга, мальчик, а это был явно мальчик, все слышал и видел, а читать и писать выучился даже раньше своих сверстников. Да, идиотом, как можно предположить, он не был, зато демонстрировал все призна-

ки уникама.

По воспоминаниям очевидцев, мать ребенка славилась своей набожностью, красотой и сговорчивым характером. Все дни напролет она посвящала необыкновенному младенцу и хозяйственным хлопотам. Жители деревни взяли над ней шефство, однако небольшое денежное вспомоществование и мелкие услуги соседей не могли заделать брешь, которая образовалась в ее сердце. «Что представляет собой ее дитяtko? Не происки ли сие дьявола? И что ей со всем этим судьбинским промыслом делать?» Вот какие безответные вопросы бередили ее душу.

Что касается отца младенчика, тут мы сталкиваемся со множеством недостоверных фактов и откровенных домыслов. Одним из них, уводящим нас в героическое прошлое седых веков, я, пожалуй, поделюсь. Дело в том, что семья девицы жила в доме напротив трактира, славившегося на всю округу разнообразием крепких напитков и круглосуточным обслуживанием. И завсегдатаи заведения божились, что частенько видели, как по ночам забиралась по водосточной трубе в спальню девушки тень самого Зигфрида. Но разве можно верить этим пьяным рассказам? Зигфрид был совсем не такой: ростом повыше, да и в плечах пошире. К тому же он был однолюбом и всю свою недолгую жизнь томился по Брюнхильде. На остальных представительниц прекрасного пола у него не хватало ни сил, ни времени. В общем, имя отца удивительного ребенка установить сейчас доподлинно

невозможно.

Весть о прусском феномене быстро докатилась до университетской общественности Германии. Ученые консилиумы и отдельные энтузиасты наезжали в деревушку периодически и постоянно. Они внимательно разглядывали у феномена то место, где его правое плечо аккуратно, не оставляя никаких шансов для шеи, переходило в левое, молча качали головами и разъезжались по своим кафедрам, дабы вернуться в деревню погода, чтобы опять разглядывать отсутствующий орган и снова качать головами. Их многочисленные документированные заметки и сейчас представляют научный интерес, хотя абсолютно бесполезны, ибо никак не объясняют прусское чудо.

Новый Каспар Хаузер был популярен и у менее заумной публики. Так, литератор Герман Гессе сочинил под впечатлением от увиденного книгу под названием «Волшебная игра», в коей описал свои встречи с удивительным чадом и его матерью. Томас Манн в своих «Забавах со стеклярусом» также не обошел феномен стороной. В ту же пору в Кенигсберге с успехом прошла оперетта «Веселый вдовец» Франца Легара, в которой в третьем акте появляется прусская невидаль. Скажу больше, жители Веймарской республики, фанатеющие по удивительному соотечественнику, пробовали утвердить в законодательном порядке праздник Безголовых. Правда, затея эта не увенчалась успехом по причине возникновения Третьего рейха.

Однако вернемся от зыбкого искусства к строгой учености. Ведя свои изыскания, научное сообщество, наконец, пришло к революционному для того времени выводу: голова человеку не нужна и является атавизмом, доставшимся нам в наследство от обезьян вместе с шерстью. Немецкие же теософы, примыкавшие к кругу Рудольфа Штайнера, использовали аномалию в своих целях, а именно, в качестве доказательства, что душа никак не может размещаться в голове, а должна находиться непременно в сердце.

Пока ученые приходили к выводу, а теософы доказывали, мальчик, вразрез со всеми прогнозами, стал подростком, потом юношей и, наконец, молодым человеком. Удивительно, но отсутствие мозгов никак не отразилось на его жизни и карьере. Он пользовался невероятным успехом у женщин, вызывал зависть у всех, кто имел голову, и сколотил состояние, показывая себя в цирке за деньги. Поездив пару лет с гастрольями по всей Европе, он женился на баронессе фон Шлокк, от которой у него получилось трое милых крошек с обычным строением тела, и отбыл с семьей в Южную Америку в самом начале 1940-го года.

Сначала он стал вождем какого-то дикого парагвайского племени, признавшего в нем посланника Небес, но эта высокая должность быстро ему наскучила и он перебрался в Аргентину. Поселившись в столице этого славного государства, он первым делом заказал себе искусственную голову у часовых дел мастера Хаима Мордухая. Голова вышла на славу

Правда, поначалу наш герой не понимал, почему он забросил родную мову и перешел на идиш. Но затем полностью утвердился в билингве и обрел прежнюю уверенность в донесении смыслов посредством звуков.

И все бы хорошо, но это краниальное приобретение, вызвав поначалу головную боль с речью, потом основательно вскружило нашему герою голову. Он увлекся карточной игрой и проиграл все наличные и свою баронессу в придачу какому-то заезжему скотопромышленнику. И только спустя месяц, в присутствии двух губернаторов, он отыграл у выбившегося в люди гаучо все назад, да еще заимел заодно полмиллиона овец.

Далее следы нашего героя обнаружили в Бразилии, где он принял участие в становлении тамошнего футбола и развитии кофейной индустрии. Потом он искал золото инков, но нашел нефть в Колумбии, побыл пару лет диктатором в одной из банановых республик но, в конце концов, обосновался на Кубе, где водил дружбу с Хемингуэем и учил Че Гевару искусству ведения партизанской войны.

Странная все же эта штука история. Одни персонажи записываются в ее анналы аршинными буквами, хотя заслуги их ничтожны. Другие не оставляют о себе даже имени, и только обрывки старых газет хранят меж выцветших строк своих скромные намеки на их великие деяния. Одни всю жизнь лезут из кожи вон, чтобы прославиться. А другие становятся притчей во языцех, не прикладывая к этому ника-

ких усилий.

Кое-кто считает, что человек без головы и был настоящим Доном Хуаном, некоторые же искренне уверены, будто наш герой — это полковник, которому никто не писал. Одни исследователи богом клянутся, что он не кто иной, как писатель Хорхе Луис *Борхес*. *Иные* же считают его отцом основателя наркокартеля Пабло Эскобара. Знаю, отыщутся и такие, кто усомнится в правдивости изложенных здесь фактов. И что любопытно, — суммарное количество первых, вторых, третьих и четвертых ничтожно мало по сравнению с числом тех, кто никогда не прочтет этот рассказ.

Я часто думаю об этом удивительном человеке, прожившем не менее удивительную жизнь и не оставившем после себя никаких достоверных свидетельств. Да что там говорить! Он не оставил потомкам даже своего имени. Как обычно, размышления приводят меня к одному и тому же горестному и безответному вопросу: почему я родился с головой? Ведь если бы все вышло иначе, судьба моя сложилась бы по-другому.

Ловя себя на этой скорбной мысли, я сознаю, что думаю, думаю, думаю. Непрестанно о чем-то думаю и без головы этот процесс не обходится. И тогда я перестаю думать, после чего гримаса забот слетает с моего лица, и оно расплывается в счастливой улыбке идиота.

Доктор Пфац и его болезнь

«Не все мы умрем, но все изменимся», — перечел доктор Пфац отмеченную ногтем строчку и на минуту задумался. «А что, это мысль, это мысль», — повторил он, словно убеждая себя в чем-то, захлопнул Святое Писание и принялся за сборы. Ровно в полдень, в любую погоду, на протяжении уже многих лет, подражая любимому Канту, доктор Пфац совершал ежедневную прогулку, и сейчас как раз наступило двенадцать.

На улицу выходил он с крайней неохотой, с некоторой боязливостью, но с чувством необходимой обязанности, понимая, что прогулки на свежем воздухе очень даже полезны для его хлипкого здоровья. Доктор писал научный трактат непонятного даже ему содержания и сидел бы дома безвылазно, если бы не эти живительные моционы и неизбежные походы в магазин за едой.

Дело в том, что соседи по подъезду его многоквартирного дома проявляли к миролюбивому и тихому Пфацу не то чтобы неприязнь, но питали к доктору какое-то родственные этому слову чувства. Так, играющие во дворе мальчишки обычно прекращали беготню, останавливались и, не сговариваясь, строили ему в след рожи. Старушки на лавочках буравили его спину прицельным оптическим взглядом и затем еще долго о чем-то шушукались. А мамыши с рассаженными по коляскам младенцами, заведя худую, неприкаянную фигуру Пфаца с длинным носом на бледном лице, увозили

свое потомство подальше из непостижимой умом предосторожности.

Доктор же выходил из дому, по привычке уставившись себе под ноги. Он механически со всеми здоровался, если, конечно, было с кем, и таким же манером возвращался к себе. Если какой-либо жилец оказывался в это время на лестничной площадке, то слышал, как, тихо затворив дверь, этот педант и мизантроп аккуратно запирает ее на целых три запора. Кто такой этот странный сосед по имени Пфац, никто не знал, а догадки строились самые разные.

«Да какой он, к черту, врач, — начинала привычный разговор первая старушка. — Так, провизор, наверно, какой-то».

«Да не провизор он, это брат у него провизор», — присоединялась к ней по заведенной привычке вторая.

«Да нет у него никакого брата», — возражала третья.

Медицинское происхождение доктора Пфаца было предметом постоянных дискуссий, начало которым положил почтальон. Как-то раз он принес необычному жильцу заказной пакет, а тот встретил его на пороге в белом халате. Факт наличия халата сразу же стал достоянием общественности и поводом для дискуссий, догадок и сплетен. И кому, спрашивается, в здравом уме и твердой памяти, придет в голову расхаживать по дому в белоснежном рубище? Разве что военному врачу в отставке, ветеринару в период запоя, ну, или акушеру на пенсии.

Вскоре после случая с таинственной почтой и халатом од-ни соседи Пфаца дружно решили, что в этом самом Пфаце есть нечто демоническое, и никто не удивится, если однажды ночью постучится в его дверь сам дьявол или вылетит из его окна в полуночный мрак ведьма, или случится нечто еще более страшное. Зато другие жильцы, стоящие на атеистических позициях, полагали, что рано или поздно к Пфацу в дом заявятся люди в униформе, чтобы, вслед за хозяином, вытащить оттуда на всеобщее обозрение нечто предосудительное и даже уголовно наказуемое. Что у них в доме поселился возящийся с трупами местный Франкенштейн.

Законопослушный и добропорядочный Пфац жил мирно и неприметно и вряд ли подозревал о существовании этих леденящих душу домыслов. Злая молва до его ушей не доходила по причине его нелюдимости. Был он обычным ботаником, вернее, ботаником-любителем, дни свои коротал в кабинете с двумя окнами, из которых смотрели сквозь стекло во двор экзотические растения, выращенные им до довольно-таки приличных размеров.

Большую часть его квартиры занимали угрюмые шкафы, забитые толстыми томами вроде «Жизни растений» и папками с вырезками из научных трудов и околонаучных журналов. На стене его кабинета висел ежедневно протираемый портрет Карла Линнея, очень гармонирующий с обоями зеленого цвета. Допотопный двухтумбовый стол завершал нехитрое убранство комнаты. Современные техноло-

гии, обеспечивающие любопытного человека морем информации, Пфаца не коснулись. По большому счету его вообще ничего кроме ботаники не интересовало.

Сидя в скрипучем кресле, Пфац дни напролет размышлял о жизни и людях, о природе и растениях, о судьбе и провидении и всем таком прочем, о чем так приятно бывает поразмыслить, когда за окном льет дождь, а у тебя в доме тепло и уютно, и крепкий зеленый чай с румяным пирогом располагает к науке и философии. А в белый халат Пфац облачался лишь изредка, чтобы придать своим размышлениям более научный и представительный характер.

Пока человечество спешило поскорее уничтожить планету, попутно перегрызая друг другу глотки, Кали-юга заканчивалась. Конец света приблизился вплотную, и, по подсчетам Пфаца, шли последние мирные денечки. Какая-то разумная, но отстраненная от людских чаяний сила, вот уже тысячи лет беспристрастно наблюдавшая за бессмысленным хаосом, творящимся внизу, вдруг очнулась и вспомнила, что тоже преследует в этом деле какую-то свою, вовсе нечеловеческую цель, после чего решила поставить на эволюции человека окончательную и бесповоротную точку. Конца света Пфац не боялся, но, будучи натуралистом по призванию и естествоиспытателем в душе, желал знать, что же после катаклизма стрясется дальше, следом и опосля.

Однажды на размышляющего о судьбах мира Пфаца снизошло озарение. Страшный суд, неожиданно понял он, пред-

назначался людям и только им. А наступи конец света, всяческие там березы или кролики его даже не заметят. Не будут же наказывать ежика за его иголки или пытаться инфузорию-туфельку, потому что она похожа на обувь? Это открытие прямо-таки окрылило Пфаца. Он чувствовал, что близок к какому-то важному решению, просто пока никак не мог подобрать для него мыслей и слов. И, надо признаться, у Пфаца были на это веские, но только ему одному известные основания.

Как-то раз, остановившись перед зеркалом, дабы рассмотреть свою унылую остроносую физиономию, Пфац заметил в ней некую подозрительную бледность. «Нужно больше бывать на свежем воздухе», — решил он и увеличил время гуляний. Однако, чем дольше Пфац бывал на улице, тем определенной не нравился Пфацу цвет его кожи. «Наверное, это какая-то особенная, редкая болезнь, которой еще не придумали название, — пугал он себя каждый раз. — Или освещение у меня такое», — добавлял он, чтобы успокоиться. Потом Пфац решил, что ему не хватает витаминов и прочих микроэлементов и основательно обогатил ближайшую аптеку. Но положительных результатов не последовало. Усиливающаяся день ото дня бледность не поддавалась никакому научному объяснению.

«Не все мы умрем, но все изменимся». А что, а что. Это мысль, это мысль», — повторил Пфац, направляясь к двери. Уже по привычке он остановился перед зеркалом, что-

бы в который раз подробно рассмотреть в нем свой неутешительный диагноз. «Бледнее обычного. Даже зеленый какой-то стал», — подвел он итог краткого осмотра и вдруг понял, что с ним происходит и что ему нужно делать.

В этот судьбоносный день променад был отменен, потому как Пфацу было не до прогулок. Сначала он корпел над составлением плана действий, потом приводил свое жилище и записи в порядок, затем собирал нехитрые свои пожитки в выдавший виды портфель, поставил будильник на пять утра и лег спать.

И вот наступило воскресенье. Ранним утром следующего дня, когда по причине воскресенья его любопытные соседи еще сладко спали, он тихонько прошмыгнул за дверь. Выйдя из подъезда, Пфац уставился на поднимающийся над горизонтом солнечный лик и помахал ему рукой, затем сверил свои намерения с компасом и направился к югу. К полудню ботаник уже миновал городские окраины и решительно вышагивал по проселочным дорогам, изредка сличая свой маршрут с картой, а направление — с магнитной стрелкой. Ближе к вечеру Пфац углубился в нужный ему лесной массив и, лишь оказавшись в полнейшей глуши, сбавил шаг и начал осматриваться, словно что-то выискивая. Наконец, миновав ручей и выйдя на уютную небольших размеров поляну, он остановился и утер лоб носовым платком.

«А что, а что, — определился Пфац, оглядываясь по сторонам, — ничего, ничего местечко».

Он разделся донага и аккуратно развесил одежду на ветках ближайшего дерева. Затем открыл вытершийся от времени кожаный портфель и достал из него сверток, в котором оказалась завернутая в тряпицу лопатка, термос и пара бутербродов. Пфац сел на траву и подкрепился, поглядывая на сияющее над верхушками деревьев солнце. Потом отсчитал от растущей на краю поляны осины пять больших шагов и принялся за работу. Минут через двадцать на поверхности планеты появилась приличных размеров ямка.

«Отлично, отлично», — проговорил Пфац, смахивая пот со лба и с удовольствием глядя на результаты своей работы. Найдя их удовлетворительными, он воткнул лопатку в землю, осторожно спустился на дно ямы, скрывшей его до колен, вытянул руки по швам и принялся крутить головой, словно бы свыкаясь с какой-то новой для себя ролью. Потом Пфац вылез на поверхность, обошел ямку вокруг, почесал нос и задумался. Над лесом уже сгущались сумерки, а он чуть не забыл о главном.

«Полить, полить», — сообразил он, извлек со дна портфеля плотный пластиковый пакет, приготовленный загодя, и отправился к ручью. Его зеленоватая обнаженная фигура быстро скрылась в кустах подлеска, а белое пятно пакета мелькнуло еще пару раз среди листвы, и тоже исчезло. Через пять минут земля в ямке была обильно полита, Пфац снял ботинки и, раскрутив их за шнурки, забросил в кусты. Затем опустил босые ноги в яму, присыпал ее землей и застыл на-

подобие статуи.

К вечеру жители близлежащих деревень наблюдали на небе сказочно красивое зрелище. Прохладный воздух мая пронзили горячие стрелы небесного пламени, и на фоне багровых закатных туч картина получилось такой впечатляющей, что местный фотограф полчаса снимал невиданное ранее явление природы. А на утро следующего дня Пфац выпустил первые зеленые листочки.

Конец света так и не наступил. Спустя месяц обеспокоенные отсутствием доктора соседи вызвали, кого следует. Но тот, кто следует, ничего страшного в доме Пфаца не обнаружил. Квартирку ботаника опечатали, а его личность объявили в розыск, который, впрочем, не привел ни к какому результату.

К сентябрю на разросшемся во все стороны Пфаце появились плоды самого необычного вида. Некоторое время они рдели на ветках, будто чего-то ожидая. Потом из них, словно парашютисты, посыпались на землю такие же странные семена. Они собрались внизу в кружок и, посоветовавшись немного, расплзлись в разные стороны.

С этой-то минуты и начался конец света, вернее, началось начало его конца.

Лабиринт

Ариадна вручает тебе нить до обидного ветхую, и пото-

му возвращение в прошлое невозможно. Минотавр представит перед тобой грудой костей, кое-где прикрытых истлевшей от времени одеждой. Выходит, что с твоим героическим будущим тоже не все ладно. А Лабиринт, эта арена твоего подвига, выглядит не лучше глубоко эшелонированного погребя. Поэтому поступок, на который ты отважился, совершать нигде, не для кого и не с кем. И если Ариадна походит на мать, давшую тебе жизнь и затем отправившую свое чадо в путь по жизненным перекресткам, то Минотавр олицетворяет отца, убив которого, ты сам становишься Минотавром, чтобы ждать кого-то, молодого и сильного, кто придет и по твою душу.

Когда нет ни прошлого, ни будущего, остается только настоящее — монотонный лабиринт похожих друг на друга дней и ночей. Сначала ты осмотрительно придержишься прямого пути, потом, осмелев, пробуешь менять направление, затем, будто одержимый, кидаешься из стороны в сторону и, временами, даже пятишься. Но ни одна из твоих уловок и затей не приводит к выходу из лабиринта жизни и обретению свободы от судьбы. И когда все способы перепробованы, начинаются блуждания без всякой цели, но сообразно выдуманной кем-то целесообразности, черт ее дери. После чего о тебе говорят: «Наконец-то он повзрослел и уже начал кое-что понимать в объективной реальности».

Лабиринт днем — это перенаселенный мегаполис, в котором каждый горожанин ограничен тысячью правил и услов-

ностей, и даже желание вырваться за их пределы включено в индивидуальную программу его неказистого бытия. Правда, ночью стены Лабиринта не видны, что дает тебе призрачное ощущение свободы. Обрадовавшись, ты устремляешься вперед, но сразу натыкаешься на барьер. Ты трогаешь разбитый нос и материшься, словно обидный казус произошел с тобой впервые. «Все тщетно, — думаешь ты. — Так было вчера, случилось сегодня и произойдет завтра». Тебе никогда отсюда не выбраться, да и выбираться некуда.

Черное, усыпанное звездами небо накрывает твоё отчаяние, сомнение и надежду плотным удушливым покрывалом. С одной стороны — красота необыкновенная, с другой — намек на то, что ты прах на ветру и полностью предопределен, потому что «прах к праху». Лабиринт жизни впечатался в твои нейроны, как реклама чипсов. Он застыл у тебя на глазах, пока ты пытался понять, что он такое.

В темное время суток ты кожей чувствуешь, что Лабиринт тесно заселен не только твоими современниками, но тенями тех, кого уже давно нет по причине смерти, и призраками тех, кто еще только появится на свет в будущем. Временами тебя настигают тяжелые вздохи и истерические всхлипывания или ты слышишь сдавленный смех сумасшедшего. Это нереализованные идеи мертвых ищут в коридорах живых свое земное воплощение.

Каждую ночь ты слышишь, как глубоко под землей утробно гудит какой-то гигантский механизм — Мельница судеб,

созданная непонятно когда и кем и неясно для каких целей. Находясь внутри Лабиринта, об этой Машине ничего нельзя сказать наверняка, но лишь строить догадки. Ты знаешь, что, только оказавшись за пределами узилища, можно составить о происходящем хоть какое-то представление. Однако помнишь, что это еще никому не удавалось.

Итак, что же тебе остается? Или прожить внутри Лабиринта до конца своих дней безропотно и безнадежно. Или пробиваться сквозь его стены наружу, в борьбе непонятно с чем, а может быть, и с самим собой до победы, весьма похожей на гибель. Ведь неизвестно, что тебя ждет на воле, новая жизнь или вечное небытие. Поэтому свобода выбора у тебя есть, но выбирать тебе, собственно, не из чего.

Как-то вдруг ты натыкаешься на приставленную к стене лопату и решаешься на побег. Идея безумна, но позволяет оставаться хотя бы некоторое время на одном месте, а монотонная работа по рытью подкопа помогает сосредоточиться. Через неделю упорных трудов лопата лязгает о свинцовое подножие Лабиринта. Ты прикладываешь ухо к холодному металлу и вполне отчетливо слышишь гул перемалывающей человеческие души Мельницы.

Удрученный результатом, ты снова отправляешься в путь — вперед или назад, вправо или влево, а может быть и в сторону. Разницы в том, куда ты направляешься, нет никакой, ибо, куда бы ты ни пошел, ты не придешь никуда конкретно, или вернешься туда, откуда начал. Сколь бы усердно ни ста-

рался ты следовать прямой дороге, везде тебя встречают повороты. Как бы ни стремился ты к новизне, всюду тебя ожидают повторы. И негде спрятаться от уже по сто раз передуманных мыслей.

Лабиринт держит твою судьбу в каменных рукавицах, он становится для тебя жизнью и смертью, целью и смыслом всего, что есть. Ты продолжаешь поиски, постоянно наталкиваясь на себе подобных, но, по большому счету, живешь один среди теней и призраков. Наверное, ты и сам похож на отражение в зеркале. Бредешь ли ты по привычке, стоишь ли на месте, стены повсюду, и остается только биться о них головой, чтобы поскорее разбить голову вместе с мыслями о своей несвободе, реальная она или мнимая.

И тогда ты спрашиваешь: «А не выдумал ли я этот Лабиринт? Может, и нет никакого Лабиринта, вернее, он есть, но целиком уместается в моей голове, и я всего лишь пленник собственных представлений о мире. Тезей — в лабиринте, Млечный путь — в космосе, а иголка — в стоге сена. Так было всегда и не мне менять правила».

И вот однажды, наткнувшись на горы разбросанного вокруг мусора, ты понимаешь, как тебе поступить, что способ найден и всегда находился рядом — он буквально был под рукой, вернее, лежал под ногами. И теперь, день за днем, постепенно поднимаясь над обыденностью, ты возводишь рядом со стеной башню из прочитанных книг и результатов этих чтений. И это твой единственный путь к спасению. Лет

через десять твое личное осадное сооружение вырастает вровень с ненавистной стеной. Пора идти на приступ. Ты шагаешь с башни на стену и... оказываешься на освещенной солнцем дороге.

«Что за дела?!» — удивляешься ты, обнаружив, что каждая стена Лабиринта — это дорога, а не препятствие, а каждый его тупик — это соединение дорог или развилка на пути. Дороги пересекаются между собой и ведут в разные стороны. Так, в один момент, твоя судьба перестает быть тупиком и превращается в тысячу возможностей.

С этой минуты все твои старые проблемы остаются позади и внизу. Казалось бы, живи и радуйся. Однако неумолимый фатум подкидывает тебе новую задачу. Дороги-то есть, но куда идти? К какой цели двигаться! И где она, эта моя цель? Все пути выглядят одинаково заманчиво. Покрутив головой в поисках ориентира, ты замечаешь на горизонте симпатичное облако и более о выборе направления не вспоминаешь, хотя облаков этих — целое небо, и все они плывут по своим делам, делая любой твой выбор заранее случайным.

Но где тебе обращать внимание на такие мелочи, ведь ты все еще молод и полон сил. «Я нашел свой путь!» — кричишь ты, обращаясь одновременно к Солнцу, Луне и всем уже открытым и еще не открытым планетам, и делаешь первый шаг. «Привет, Венера!» — восклицаешь ты по утрам. «Здорово, Венера», — говоришь ты устало вечером и идешь, едешь и идешь, и это движение к цели вдохновляет тебя в

рутине и поддерживает в трудности. Но вот однажды дорога заканчивается.

Ты поднимаешь глаза от земли и видишь море. Ты оглядываешься и не находишь своей темницы, поскольку с расстояния прожитых лет все разнообразные и непохожие друг на друга дороги слились в единое целое — каменистое плато, упирающееся краями в туманный горизонт. А впереди, у маленькой пристани, качается на волнах и белеет развернутым парусом лодка. А в ней — человек. Ты подходишь ближе и узнаешь Харона. Он поднимается и встречает тебя улыбкой серийного убийцы.

Наверное, для выражения твоего душевного состояния имеется какое-то емкое и точное слово, и ты уже почти вспомнил, какое именно, чтобы, произнеся его, разрушить магией звука то, что назовешь. Но слово плутает по лабиринту мозговых извилин, тычаь носом в неожиданные преграды, как некогда блуждал по Лабиринту ты сам, и никак не может найти себя и свое освобождение.

«Здравствуйте, добрый человек, — говоришь ты первое, что приходит в голову. — А я думал, это будет река. Но море значительно лучше. И куда же мы поплывем?»

«А куда надо?» — отвечает лодочник вопросом на вопрос. «Куда же мне надо? Зачем надо? И почему? Что же мне, наконец, нужно от жизни? И нужно ли что-либо вообще?» — утопаешь ты в трясине сомнения и, наконец, понимаешь, что сказать тебе нечего.

«Чего молчишь? Язык проглотил? Имя у тебя есть?» — сетует Харон, осуждая твое замешательство.

Ты точно помнил, что до входа в Лабиринт тебя как-то звали, у тебя было имя, но оно истерлось о шершавые стены, так и оставшись в нем эхом чьего-то эха. Имя это забылось сразу после встречи... С кем же ты встречался? Или желал встретиться? Ты вспоминаешь, что хотел кого-то победить. Или не хотел. Да, и еще, кажется, кто-то провожал тебя в дорогу и снабдил путеводной нитью. Или не провожал и не снабдил?..

«Ну, и долго так стоять будем?» — спрашивает перевозчик, прерывая паузу и, похоже, начинает сердиться.

«Стоять, стоять... Чего же я стою в жизни? Что умею? На что способен? — лихорадочно думаешь ты, заглядывая в себя словно в зеркало. — Нужно что-то ответить. Что-то ответить... Ответить...» — И к своему ужасу не находишь, что сказать.

И тут ты приходишь в себя. Лифт, который застрял, казалось бы, навечно, уже вызволен из плена аварии. Свет в кабинке зажжен, двери открыты, и мастер, его отремонтировавший, тщетно пытается объяснить тебе, что хватить стоять столбом и пора бы покинуть закутку. Ты подчиняешься железной логике событий, шагаешь на лестничную площадку, медленно, не оглядываясь, спускаешься по лестнице и выходишь на улицу.

Как же это здорово снова увидеть солнечный свет и все

краски нашего разноцветного мира. Настроение твое, улучшившись от всего увиденного, медленно приближается к отметке «счастлив». Ты видишь, что теперь можешь пойти вперед или назад, свернуть вправо или повернуть налево, можешь придерживаться прямого пути или блуждать по лабиринту улиц без всякой цели. Ты не ведаешь, что планировка Лабиринта полностью ограничивает твой выбор и тебя самого самым фактом твоего рождения. Но пока ты не вспомнил об этом, чувствуешь себя абсолютно свободным.

Без Башни

В мире субъективности, в котором каждый из нас пребывает, любое убеждение является ложью, любая вера верна лишь внутри себя самой, любой поступок хорош и плох одновременно, а каждое слово может обернуться любой своей стороной. А истина... Есть ли нашем мире истина? Конечно, есть. Но это привидение, сотканное из наших заблуждений, надежд и страхов.

«Телевидение, которое можно выразить словами, не есть настоящее телевидение. Программа, которая может быть названа, не есть постоянная программа», — такие доводы приводил Хныч, стараясь образумить Рёву, потому что Рёва был лучшим другом Хныча, а настоящие друзья не бросают друг друга в беде. Беда же возникла неожиданно-негаданно и заключалась в том, что Рёва, глядячи на мельтешение рекламных

роликов на экране, думал-думал, да и засобирился в крестовый поход против Башни. Какой мерзавец надоумил его собираться, Хныч лишь догадывался. Возможно, само телевидение и было этой сволочью. Но к чему праздные размышления? Товарища нужно было срочно спасать.

«Понимаешь, — не отставал Хныч от друга, — «безымянное есть начало неба и земли, а обладающее именем — мать всех вещей». Поэтому тот, кто свободен от страстей телевидения, видит чудесную тайну, а кто имеет страсти, видит мир только в конечной форме, и ты не хуже меня об этом знаешь».

Рёва слушал даосские увещевания «Дао дэ Цзин» товарища молча, не поворачивая головы от окна, словно неожиданно разглядел за давно не мытым стеклом Главную правду жизни, и столкновение с противными истине силами было для него вопросом решенным. Он так и не смог «отделить зерна от плевел», отличить мотивацию от стимула и найти разницу между «Пепси» и «Колой».

Коренастый обстоятельный во всем Хныч и высокий, худой и нервный Рёва. Стоя рядом, они представляли собой классическую литературную пару антиподов, как Дон Кихот и Санчо Панса, или как неразлучные, но непохожие друг на друга Кастор и Поллукс, сошедшие с греческих Небес в московские многоэтажки. И не только рядом. Они являлись антиподами и на расстоянии.

Сам Хныч, вольно или невольно сталкиваясь с телеviso-

ром где-нибудь в гостях или в каком-нибудь присутственном месте, обращался к очень простому, но весьма действенному средству. Он скрещивал пальцы на руке и произносил про себя магическое заклинание: «Не смотрю — не вижу, не вижу — не смотрю». Скептики полагают, что магии не существует, потому что она — пережиток прошлого, однако эта мантра, уж поверьте мне на слово, очень даже хорошо срабатывала. На другой день, для верности, Хныч шел в церковь и ставил свечку покровителям славянской письменности Кириллу и Мефодию, после чего был абсолютно за себя спокоен.

Иногда, чисто по недомыслию, к Хнычу — человеку в чем-то даже известному — обращались по своим богопротивными предложениями служители проклятой Башни. Для таких эксклюзивных случаев у него была заготовлена проверенная временем методика, даже не метода, а другая магическая фраза: «участие в вашей программе может навредить моей карме». Это удивительно, но именно вот в таком казенном на вид предложении и обнаруживалось присутствие того, что издавна называли на Руси волшебной силой слова, потому как нескоро кто из Башни потом его беспокоил.

Несмотря на демократические реформы 90-х годов, приведшие к коллапсу власти и хаосу во всех сферах жизни. Невзирая на прогрессивные перемены, послужившие крахом бытия миллионов граждан. Вопреки благим пожеланиям, повлекшим за собой массовый отъезд из страны ум-

ных граждан и повсеместное учреждение на руководящих постах, если и не тупых, то недалеких соотечественников, в стране все еще оставались люди, которые знали грамоту и умели считать. Они, словно первые христиане, прятались в катакомбах собственной души от язычников, озверевших в результате либерализации нравов. И хранили эти тайные знания, как зеницу ока, и умножали оные, и учили им детей своих. Только на них и уповал Хныч в минуты душевной скорби. Только за них и молился.

С Рёвой дела обстояли иначе. В последнее время он часто задумывался о судьбах России, поскольку, по правде говоря, думать ему было абсолютно не о чем. Меж тем, наблюдая за жизнью людей, обладающих депутатской неприкосновенностью, на ум приходило следующее: рассуждать о судьбах России то же самое, что порнуху в интернете смотреть, — много ума не надобно. Посему Рёва решил: «Вместо того чтобы рассуждать о будущем Родины, лучше я молча для нее что-то сделаю».

Так, в вечных спорах и несогласиях, примирениях и новых препирательствах с судьбой и протекала дружба Рёвы и Хныча, и можно было лишь гадать, насколько крепко терпение Хныча и не выкинет ли Рёва, лишь бы насолить другу, что-нибудь эдакое, дабы порушить толерантность сотоварища окончательно. Иногда казалось, а может и не зря казалось, что приятели не разбегаются в разные стороны только по причине действия на их дружбу закона единства и борьбы

противоположностей.

В поверхностном слое жизни бурлило броуновское движение безвкусицы и пошлости, при этом любая последующая отличалась от своей предшественницы только временем появления на свет и величиной. И лишь природа не разочаровывала и, постоянно меняясь, всегда оставалась неизменной. Каждый день наступал новый день, а каждую ночь — новая ночь. Ветер таскал по небу груженные влагой тучи, и в просветах между ними, время от времени, открывались взору то чистое сияние солнца, то синяя безмятежность невыразимого.

Политики по обыкновению улучшали собственное благосостояние, богатые граждане повышали свой политический капитал, орды астрологов и экстрасенсов зарабатывали себе на белый хлеб с маслом, выдумывая небылицы. Народ то верил в сказки, то не верил, то сводил, то не сводил концы с концами. Духовные учителя постоянно напоминали всем о своей духовности, таланты кричали о своей гениальности, гомосексуалисты гордились своей болезнью, а бандиты — здоровьем. И все вместе уповали на Бога, черта и чудо, доброго дядю, биту и ловкость рук, желали всего, сразу и побольше, а так же верили, надеялись и любили. Стоял август, и на улице, через каждые десять метров, умные азербайджанцы продавали нам, дуракам, наши же астраханские арбузы. Короче, общество остро нуждалось в новых идеях, а взять их, похоже, было неоткуда.

Только неунывающий Хныч, где бы ни заставляла его судьба, что бы ни совершилось в границах нашей общей великой отчизны или в его личной частности, вытаскивал из внутреннего кармана затрапезной куртки засаленную книжечку и читал нечто, навеянное высоким душевным порывом. Ну, например, такое:

«Когда в России увеличивается число законов, растет число взяточников, воров и разбойников. Если дачи на Рублевке роскошны, то поля покрыты сорняками, хлебохранилища пусты, а потребительская корзина избирателя скудна как никогда. Чиновники одеваются в роскошные одежды, ездят на дорогих автомобилях, не удовлетворяются обычной пищей и накапливают излишние богатства. Все это называется разбоем и бахвальством».

Бывало, что в этот момент рядом с Хнычем оказывался и Рёва. Он с явным интересом слушал изреченные другом даосские мудрости, но потом снова твердил что-то про телевизоры, про идейную борьбу и про светлое завтра освобожденного человечества и про то, что нужно не говорить, а действовать. В доказательство своей правоты Рёва приводил Хнычу неоспоримые доводы, размещенные кем-то по недомыслию в интернетах. Будто бы Базельский университет исследовал воздействие телевидения и установил, что трехлетнее ежедневное потребление сигнала награждало реципиента необратимой атрофией головного мозга. Данные эти были закрытыми и явно проводились по заказу высокопоставлен-

ных евродоброжелателей, хотя формально грант на исследования был выделен университету Всемирной Организацией Здравоохранения. Сокращенно ВОЗ.

Как только Рёва узнал о существовании такой организации, он сразу вступил в другую то ли секту, то ли партию, то ли ОПГ. Организация сия имела угрожающую аббревиатуру БЖСР, что означало: бей жидов, спасай Россию. Бить члены партии умели, а спасать никого и ничего не собирались. Покрутившись с этой убогой братией пару месяцев, Рёва, так ничем себя не проявив, был изгнан пламенными патриотами взашей. Это нанесло его ранимой душе изрядную рану и надолго выбило нашего героя из колеи. Рёва хотел изменить мир к лучшему, но, будучи его частью, меняться сам почему-то не собирался. В этом и состояла его личная проблема.

«Почему? — спрашивал он у Хныча. — За что?»

Конспиролог Хныч сразу же раскрыл другу глаза на мир. «Ты Рёва не еврей и не русский, а просто дурачок, поэтому твои вопросы ни пришей ни пристебай, — начал он. — БЖСР по моему подозрению существуют на деньги ВСО и в этом все дело».

«А кто такой ВСО?» — удивился Рёва.

«Не кто, а что. ВСО — это Всемирная сионистская организация. И знай, в случившемся с тобой имеется мистический смысл и щас я тебе все объясню. Антагонисты БЖСР и ВСО находятся одно с другим в неразрывной связи, подпитывая и оправдывая каждая каждую. Про единство про-

тивоположностей слышал? Про Инь и Ян знаешь? Что они постоянно порождают друг друга? То-то и оно! — так начал Хныч свою проповедь, но по причине того, что искусством убеждения владел плохо, сразу же полез за спасительным в таких случаях «Дао дэ цзином»:

«Когда в России узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется безобразное. Когда все понимают, что добро является добром, возникает зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг друга, длинное и короткое взаимно соотносятся, высокое и низкое взаимно определяются, предыдущее и последующее следуют друг за другом, как входящие и исходящие звонки внутри сети».

Вот что обычно твердил он товарищу, и лишь начинал говорить в таком роде, глаза Рёвы неизменно устремлялись в какую-нибудь располагающуюся по соседству даль и застывали в неподвижности, будто разглядев в ней окончательную причину Мироздания. В общем, это был тяжелый случай, когда сверхценная идея отбирала у человека всю его жизнь без остатка, и только один Господь ведал, пройдет ли эта хреновина сама собой, как насморк, или высосет человека до последней его кровинушки.

«Ну что ты творишь? — отговаривал Рёву товарищ. — С кем ты собрался воевать? С каким-таким телевидением? Это же фикция, ничто. Оно существует в твоей реальности лишь тогда, когда ты о нем думаешь или его смотришь. Да выброси ты этот дьявольский агрегат на помойку и займись

каким-нибудь общественно полезным занятием. Старушек, например, через дорогу переводи или еще чего-нибудь нужное для народонаселения делай». Далее Хныч подкреплял приведенные сентенции всегда спасающей его даосской мудростью:

«Что такое телевидение? Смотрю на него и не вижу, а поэтому называю его невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю его неслышимым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому называю его мельчайшим. Не стремлюсь узнать об источнике его, потому что это едино. Его верх не освещен, его низ не затемнен. Вот и величают его неясным и туманным, поэтому и называют его формой без форм и оттого нарекают его образом без существа».

Но Рева только молчал. К этому моменту в его голове уже сформировалась определенная последовательность мыслей, а если у человека завелась в голове какая-никакая определенная последовательность, никаких иных идей она уже не принимает. Еще у Рёвы на его беду имелась жизненная позиция. Вот в этом и состояла его главная проблема. У Хныча уже давно никаких позиций не прослеживалось, посему проблемы обходили его стороной.

Дали бы Хнычу мешок зеленых, так он бы сразу завел себе нужные убеждения, но Хнычу никто ничего такого не предлагал, посему убеждения ему были абсолютно без надобности. Хныч выпал из непотребного настоящего произвольно, но вполне последовательно, а вот Рёва решил бороться

за души людей, чтобы спасти, ни больше, ни меньше, все человечество. А что, скажите, может быть, хуже идеи спасения человечества? Только оно само, прости меня, Господи.

Так или иначе, но после означенных дебатов микрокосмы друзей, и без того не сильно похожие, начали все быстрее и быстрее отдаляться друг от друга. Впрочем, у Хныча на этот счет существовали другие объяснения. Конечно, он очень уважал герметизм и все такое прочее, но предпочитал руководствоваться во взаимоотношениях с другом наставлениями из заветной книжицы. А та по этому поводу молчала.

Вот как, на тот период времени, выглядела, по версии Рёвы, телевизионная картина мира. Обратим на нее особое внимание, ибо именно из-за нее и пошел вкривь и вкось мой рассказ, который я хотел ограничить по обыкновению тремя страницами. К тому же, на примере Рёвиных идей, можно проследить, как формируются в эпоху постмодерна в современном постиндустриальном обществе такие архаичные явления как мифы. Они вырастают из городских легенд так же, как организованная преступность — из коррупции, неофилософия — по причине полного отсутствия идей, и сифилис — из беспорядочных связей. Процесс идет то способом сбраживания легенд, то методом возгонки поверий, но обязательно подспудно и незаметно для обывателей. Поэтому — сюрприз! Еще вчера официальная наука ничего не знала о том или ином казусе, а сегодня новые мифы обсуждают и в Белом доме, и на космической орбите, и в диаспоре неле-

гальных эмигрантов.

Говорят же, что все правозащитники больны на всю голову, что каждый четвертый европейский мужчина — женщина и что вскорости китайские ученые клонируют Землю. Ходят же слухи, будто в ядерном чемоданчике президента живет маленький президент-двойник, и если его не кормить конфетами и не поить молоком, он может обидеться и нажать какую-нибудь кнопку. Так вот и возник в глубине народных масс миф о Демоне Башни.

Демон Башни, как и полагается всякому уважающему себя демону, развращал души людей и делал это посредством телевидения. Для чего им изобретались рекламные блоки, ток-шоу и сериалы, играющие в этом процессе ключевую роль. Неведомая, разумная и злая сила распространяла их под самыми благовидными предложениями. Но одними сериалами дело не ограничивалось.

Большинство телеведущих Башни были органическими роботами. И об этом не раз говорили специалисты из НАСА, колдуны вуду, филиппинские хилеры и специалисты Кремниевой долины. Но кто их слушал? Считалось, что у этих разумных объектов есть семьи и дети, а каждый из них был уверен, что имеет биографию, привычки, личную жизнь и право на отдых. Но вот телешоу заканчивалось, после чего инженеры особой секретной службы выключали говорящие агрегаты, осторожно заворачивали их в фольгу и прятали в специальные контейнеры до следующего раза. Стоили-то

устройства недешево.

Но и Демона Башни понять можно. Нанимаемые на роль ведущих люди быстро приобретали качества бездушных автоматов, поскольку само участие в означенных выше программах этому способствовало. Согласитесь, что выпускать эфир с таким браком было не то что аморально и неприлично, а попросту непрофессионально, а обучать искусству ремесла новых и новых людей — накладно. Поэтому использование для подобных целей человек было совершенно нерентабельным. К тому же у этих коллаборационистов имелась все же какая-никакая душа, а с душами у противных Богу сил вечные проблемы.

С машинами дела обстояли куда лучше. Они не уставали, не злоупотребляли спиртным и запрещенными веществами, не забывали текст и легко программировались на адекватную сказанному мимику. Так постепенно парк людей заменили на отряд японских роботов малазийской сборки. Вы спросите: почему малазийской? Конечно же, не для того, чтобы удешевить производство. Денег на эту затею не жалели. Но чтобы подальше от посторонних глаз.

Сколько лет, почитай, система работала безотказно, и только посторонний, приехавший откуда-то из самой далекой губернии, где давно не было телевизоров, потому что давно не было электричества, удивленно глядел в бездонную пропасть экрана, как Иона — в чрево кита, и скорбно кивал головой: «Да это ж не люди вовсе. Да разве ж может чело-

век, наделенный бессмертной душой и ходящий под Богом, говорить такое?! Он же от стыда помрет. А ежели от стыда не умирает, то и не человек это вовсе. И хорошо бы дорогу от нас к Москве взорвать, дабы всей этой пакости поменьше было».

Могиканин дивился голубому экрану, а любители телевизора дивились могиканину. Он, наивный, еще не знал, что не только на телевидении, но и в других сферах, как на голубом глазу, уже давно трудятся умные и трудолюбивые машины, пишущие сценарии и сочиняющие новости. А живые служители пера разбрелись по мелким газеткам и ничего не значащим сайтам. И не нашлось ни единого человека, который заступился бы за журналистов. Все их только ругали. Одни говорили: это плохо, что журналистов убивают. Другие — это плохо, что журналюг мало убивают и убивать их надобно побольше. Короче, единого мнения у населения по этому поводу не имелось.

Аргументом первых служила идея, будто мир катится в пропасть, на дне которой должен наступить полный гуманизм. Доводами вторых служила мысль о том, будто народ — этот мыслящий тростник — все-таки как-то должен себя защищать. И тут приводился простой пример. Лису, которая переставала охотиться в своей лесополосе, дабы посещать деревенские курятники, убивали. И этот акт не был злом, а являлся добром. Хотя стоило, справедливости ради, заметить, что лисе-то как раз приходилось очень даже

некомфортно. Но когда благо одного превращалось в беду для многих, а не во всеобщее благо, за которое так ратовали французские гуманисты, просветители и лично Жан-Жак Руссо, это мнимое добро нужно было без сожаления выкорчевывать. Итак, никто не жалел бедных журналистов, и только добрая душа Демон Башни освободил их от этого греховного промысла.

Иногда во сне Хныч наблюдал один и тот же дивный новый мир, в котором люди воспринимали жизнь целиком, одинаково взирая и на ее зерна, и на ее плевелы, и где не было ни правых, ни левых, ни гуманизма, ни жестокости, ни Телевидения, ни Башни. «Даосское государство, в котором он жил во сне, было маленьким, а население — редким. Современные приспособления и приборы в нем имелись в избытке, но не использовались. Никто за всю жизнь не покидал своих мест, поэтому автомобили и самолеты стояли без дела. В стране имелась армия, но никто в ней не служил. Письменность в его счастливой отчизне забылась, уступив место знакам и символам. Пища была вкусной, одежда — красивой, жилище — удобным, а жизнь — клевой. Государства по соседству смотрели на страну Хныча, слушали пение ее петухов и лай ее собак, и все были счастливы».

Но утром Хныч просыпался, дивный новый мир заканчивался, и начиналась Рёвина Великая Иллюзия. В ней роботы писали законы и книги, давали интервью и учили всех жить. Одно нажатие кнопки — и происходило чудо. Машины от-

крывали глаза и начинали думать и действовать. Они не просили денег и еды, не сходили с ума и не теряли душевный покой, потому что душ у них не наблюдалось. Эти совершенные механизмы в отличие от людей умели сострадать, верить и надеяться, а машины из последней партии могли даже любить, возвышая свои синтетические нейроны до заоблачных вершин истинно человеческого чувства. А если кто-то, по простоте душевной, говорил им, что они, дескать, не люди, лишь посмеивались над сумасшедшим. Они не скрывали свой секрет, потому что у них как раз-то и не имелось никаких секретов. Именно они и были настоящими хозяевами жизни. Это благодаря их ежеминутным усилиям крутилась изо дня в день наша планета, и только получение особого распоряжения заставило бы ее сойти со своей орбиты или выкинуть еще какой-нибудь фортель.

Какая радость и покой воцарились на всей русской земле, когда после пожара на Башне дьявольский сигнал потух, и телевизионные экраны разом погасли. Это была победа. Временная, но победа. Победа добра над злом. Но кто бы мог подумать, что пламя того священного огня возникло не случайно, а стараниями Рёвы? Но давайте по порядку.

«Забудь ты об этом, — гнул свою линию Хныч. — Отвлекись, займись каким-нибудь общественно полезным трудом. Человек должен чем-то заниматься, найти свое призвание, оставить след на земле, и все такое прочее. Собирай пустые бутылки для улучшения экологической обстановки на пла-

нете, вымой пол в своем подъезде или хотя бы проколи колесо вон у той навороченной «иномарки», которая уже три дня перегораживает тротуар. Хныч снова лез в карман за книжицей и переходил к более веским аргументам:

«Наведение порядка в России надо начать тогда, когда еще нет смуты. Ибо девятиэтажный офис начинает строиться из горстки земли, финансовый кризис вырастает из мелких нарушений в отчетности, а путешествие в тысячу ли начинается с первого шага. Когда на руках у населения находится много оружия, в стране растут смуты. Когда есть много искусных мастеров, скапливаются редкие предметы. Когда умножаются провайдеры, растет Интернет. Все это является нарушением Дао».

Но сейчас мы уже знаем, что наивная агитация Хныча оказалась безрезультатной. Перечитав книги господина Монро по внетелесным путешествиям, Рёва две недели слонялся по Башне в виде проекции астрального тела, дабы определить в ее конструкции наиболее слабое звено. Затем правдами и неправдами он выяснил, кто служит в охране ненавистного сооружения. Выбрав человека молодого и неопытного, он, благодаря технике осознанных сновидений, целый месяц забирался в сны своей жертвы и вел с ней просветительскую работу и, наконец, обратил охранника в свою веру. Как-то заступив на объект, тот по привычке уснул и в сомнамбуле сновидения все же чиркнул зажигалкой в отмеченном Рёвой месте.

В шестой месяц Небесного воинства Шахривара, то есть 27 августа 2000 года, в 27 день Луны Солнце вошло в 5 часов 31 минуту и 36 секунд. Это был день магического жезла, когда рекомендовалось медитировать и получать интуитивные прозрения. Но вместо всей этой духовной хренотени, население озаботилось совершенно другими материями. Случилось невиданное — Башня загорелась, экраны телевизоров враз погасли и непонятно стало, чем себя занять дома по вечерам кроме водки.

Рёва ликовал и в избытке чувств выскочил на улицу, пересекая воздух российский флагом. Кстати, после этого случая его психическая жизнь в первый раз была подвергнута двухмесячному принудительному исследованию. С той поры дружба Рёвы и Хныча расстроилась окончательно, а их общение — прекратилось. Лишь однажды, вспомнив, что приятель заиграл у него интересную книжку, Хныч решил восстановить попранную справедливость. Меня же он взял с собой в качестве моральной поддержки.

Дверь нам открыла незнакомая женщина лет пятидесяти, оказавшаяся матерью Рёвы. Она сообщила, что приехала из деревни, дабы так-то соблюсти сына в больнице, пока тот не поправится.

«А вы, чай, друг ему будете, да? — обратилась она к Хнычу. — Рёва мне много о вас хорошего сказывал. Вас ведь Хнычем звать-величать, да? — спросила она для порядку, проводила нас в дом, заварила чай и под чаепитие рассказа-

ла о чередѣ удивительныхъ событий, ускользнувшихъ отъ нашего вниманія.

Сначала Рѣва поѣхалъ по туристической путевкѣ въ Лондонъ, дабы плюнуть на могилу Зворыкина. И пока любопытный народъ любовался Большимъ Беномъ и Трафальгарской площадью, онъ старательно обшаривалъ городскіе кладбища Туманнаго Альбиона. Не найдя послѣдняго пристанища изобретателя телевиденія, онъ во внезапно нахлынувшей на него душевной тоскѣ купилъ самую большую бутылку виски, какая ему встрѣтилась, выпилъ ее, и тутъ же оказался сраженъ наповалъ диковиннымъ напиткомъ. Только подъ утро его обнаружили рядомъ съ заблѣваннымъ памятникомъ Карлу Марксу. Рѣва не подавалъ признаковъ жизни, и поначалу служители Скотленд-Ярда решили отправить бездыханное тѣло въ моргъ, но, найдя въ карманѣ трупа российский паспортъ, бережно доставили туриста въ обезьянникъ.

Уже на Родинѣ Рѣва понялъ, что ошибся съ местоположеніемъ могилы изобретателя, и ему нужно было, какъ мадамъ Блаватской, ломануться со своей миссіей въ Соединенные Штаты. После этого онъ пересмотрѣлъ свои взгляды и отныне рѣшилъ действовать только на физическомъ планѣ и только самостоятельно, болѣе не доверяя ни вознесеннымъ владыкамъ, ни рядовымъ исполнителямъ. Приземленіе Матиаса Руста на Красную площадь и атака террористовъ на башни-близнецы навели его на мысль о томъ, какъ ему расправиться со своей Башней. Наши мудрые предки, не знавшіе вершинъ экзистен-

циальной философии, обрисовали бы его тогдашнее душевное состояние метким выражением: то понос, то золотуха.

Сначала Рёва освоил профессию черного копателя и, найдя забытый со времен провозглашения российской независимости военный склад, натаскал оттуда столько пороху, сколько вместила его малогабаритная кухня. Затем русский самородок сел за чертежи летательного аппарата собственной конструкции.

Его планы разрушились в один день, когда он, видимо, взыскав моральную поддержку у населения, решил обратиться к людям с проникновенными словами любви и надежды. Стояла лютая зима, а он выскочил на балкон в одних трусах и словно Христос разговаривал с народом до тех пор, пока к его подъезду не подъехала карета скорой помощи...

Чувствуя поначалу вину за судьбу товарища, погрузневший Хныч не знал, куда и глаза девать. Но потом он вспомнил про книгу и попросился в Рёвину комнату. Я отправился вслед за ним. Хныч обвел взглядом убранство осиротевшего помещения. Потом пробежал глазами ряды полок с книгами, которые Рёва собирал на близлежащих помойках. А в красном углу, где полагалось быть иконе Божьей Матери, встретился он лицом к лицу с наглым ликом голубого экрана.

И пока расстроенный донельзя Хныч, стоял, потупив взгляд, мне почудилось, а может быть, так и было на самом деле, что, аккуратно посередине между «Критикой чистого разума» Канта и «Феноменологией духа» Гегеля, вспыхнула

на секунду огненным росчерком вечная строка Экклезиаста, принуждая «суету сует» возвратиться «на круги своя», а рассказ мой — закончиться.

Изредка, вспоминая Рёву, я вижу перед собой этого героя нашего времени: спутанные, давно не мытые волосы, пламенеющий взгляд и затасканные, с пузырями на коленках, треники, из кармана которых торчит книга «Основание буддийской медитации».

Тошнота

Все смешалось в доме Обломовых. Даже Стива сменил фамилию и теперь отзывается на Штольца. Однако даже такие фамильярные перемены не отражаются на общем потоке новостей, и жизнь кипит, как и прежде. Где-то она кипит, где-то — замерзает, но по большей части течет, согласно императиву времени, из прошлого в будущее, как ей и полагается. Там, где время перестает течь, жизнь заканчивается, а там, где ручеек минут взламывает окаменевший порядок привычек, начинается снова.

И проходят дни и столетия, и меняются вкусы, и дрейфуют континенты, и наш Штолец, конечно, уже не тот Штолец, а есть не что иное, как племянник сына правнука одного из Штольцев. Назовем его, ну, хотя бы Петей. Ведь надо же его как-то назвать. Хотя называть его можно не Петей, совсем не Петей и даже совсем уж вообще-то и не Петей. Вы спросите,

почему автор уже успел залезть в какие-то философские дебри и словоблудие оных, но еще не дал описания внешности героя? Вопрос на засыпку. И в самом деле, почему? Дайте подумать.

Дело в том, что Петя может быть совсем еще не взрослым мужчиной, почти что взрослым мужчиной, взрослым мужчиной и очень уж сильно взрослым мужчиной. Если хотите, он, на выбор, окажется блондином, брюнетом или шатеном. Так же не определен и его рост, который с легкостью будет колебаться от совсем уж низенького до слишком уж очень высокого. Петя готов стать худым, не слишком худым, не очень-то и толстым и толстым; а также неказистым с лица и писаным красавцем. Наконец, Петя может иметь, извиняюсь за прямоту, малопоэтичную плешь на голове и турецкие джинсы с претензией на моду. Одним словом, наш Петя может оказаться каким угодно, если, конечно, он вообще существует. Вот почему любое описание его внешней, а тем более, внутренней сути — лишняя трата сил и времени.

Но Петина бытийность — это еще не вся наша драма. Такому Пете надо обязательно что-то противопоставить, ну, какой-нибудь другой характер, иначе правды жизни не получится. Оттого в нашем рассказе есть и второй главный герой. Как бы его назвать, чтобы не ошибиться в главном? А ладно, была не была. Наречем его Вениамин Самоедов. Сказать по правде, я схитрил и для собственного удобства и по причине своей необъятной лени сделал так, что живут они в рассказе

как бы по отдельности, даже не подозревая о существовании друг друга.

Открою вам больше, создается впечатление — и очень хочется в это верить, — будто некое божественное провидение непрестанно разводит эти типажи по сторонам, дабы они, по недомыслию автора, не пересекались, порождая в результате столкновения всяческие драматические неудобства. Хотя, сообщу вам по секрету, наша парочка и существует лишь благодаря тому, что порождает друг друга, как выпуклость и вогнутость кривоватой линии. Вот из эдаких типов, как они, если их наплодить в безумном количестве, складывается общая картина человечества и его Мироздания, как собирается из разноцветных стекляшек мозаики жанровая сцена византийской фрески.

* *

Со времен сопливого детства именно книга была и оставалась для Вени Самоедова тайной, волшебным предметом, не похожим ни на одну вещь на свете. За годы жизни у Вениамина перебивало в пользовании множество разных предметов прозаического, практического и самого бессмысленного свойства, но ни один даже близко не сравнился с этим восьмым чудом света. И если уж книги, по мнению Вени, имели сакральный смысл, то что тогда говорить об их авторах? Творцы книг представлялись ему не иначе как чародеями слов, властителями неизреченного и самыми настоящи-

ми пророками, призванными судьбою для исполнения мистических обрядов и прочего священнодействия.

Еще не научившись толком читать, Веня часами сидел на ковре около книжного шкафа и соприкасался с тайною тайн: вынимал наугад какой-нибудь том, нежно гладил его по обложке, перелистывал страницы, вдыхая неповторимый запах типографской краски и всяческих камедей, рассматривал со всех сторон буквицы, рисунки и шрифты. Потом подходила очередь другой книги, и так до тех пор, пока ничего не понимающие в этом времяпрепровождении родители не заоглянулись на сына спать.

«Каковы же они, эти люди, которые пишут книги? — размышлял Веня, ворочаясь в постели. — Какой такой великой душой, какой необыкновенной силой ума, какими сокровенными знаниями они, должно быть, владеют?»

С молодых ногтей Веня уверовал в древний закон мира: Боги творят предметы и вещи, Поэты дают им слова-названия, а Герои совершают подвиги, которые потом воспевают в назидание потомкам те же Поэты. Оттого-то и движется Вселенная, не прекращая ни на минуту свой ход. Тяжело ворочаются на могучих осях каменные жернова времен, а в зазоре между ними кружатся, словно бабочки, человеческие души, рисуя крылами своими бисерные нити личных биографий.

Мысль о богах, героях и поэтах гвоздем застряла в Вениной голове, казалось, на всю жизнь. И сколь ни измывалась

над ним судьба, похожая на пьяного Чапаева, объезжающего трофейное авто, он знал, всегда знал, что владеет великим секретом, и просто пока не может по недомыслию выразить его словами. И куда бы ни бросал Вениамин свой взгляд — везде и кругом простиралось перед ним непрерывное полотно жизни, состоящее из разноцветных нитей перемен, вплетенных в плотную канву постоянства. И видя, как сплетаются нити, образующие струящийся вдаль узор, Веня верил, что где-то в нем есть и его личная маленькая ниточка, и от этой мысли делалось ему на душе покойно и праведно.

* *

Вот, говорят: «наутро он проснулся знаменитым». Ерунда же полная! В эпоху торжества средств массовой информации, чтобы стать знаменитым, ни засыпать, ни просыпаться совсем не обязательно. Достаточно принять участие в прямом эфире или стать участником какого-нибудь телевизионного акта, желательно полового. Или, на худой конец, помочиться за кадром. После этого за писательское будущее молодого дарования можно не беспокоиться. Даже если он никогда ничего не напишет сам, за него это сделают другие специально нанятые люди.

А что, скажите мне, делать нашему Пете? То же самое! А если не получается у Пети то же самое? Как тогда ему пережить сию трагедию? А выходило так, что Петю постоянно тошнило в прямом эфире, его тошнило даже в запи-

си, что, надо признать, является свидетельством существования в нашем мире мистических, еще не объяснимых наукой феноменов. Петя не ел, и ел, выпивал сто грамм и двести грамм для храбрости, принимал таблетки от морской болезни и средство для предотвращения беременности, но ничего не помогало. Его все равно тошнило от телевидения. И больше всего его тошнило от самых нужных для Петиного же блага программ.

И вот Петя, которого несправедливая судьба жестоко задвинула на задворки массовой культуры, так и прозябал, лишь пару раз приняв участие в радиопередаче, да мыкаясь с интервью по разным газеткам с сомнительным прошлым и непредсказуемым будущим. Оставшееся время Петя ходил со своим выстрадавшим в муках произведением по издательствам или творил новые.

Сравнивая себя с другими, Петр понимал свои творения в качестве ложки высококачественного дегтя в бочке фальсифицированного меда. Он писал и писал, нанизывая на крючок повествования один троп за другим, словно надеясь поймать на эту сомнительную наживку большую рыбу читательского интереса. Но никакого интереса не наблюдалось.

«Книга удалась, — отметили его труды на ниве кропания женских романов, — однако над сюжетом вам следует еще поработать. Поцелуев кот наплакал, слез нужно добавить. Драма у нас, безусловно, получилась, а вот мелодрамы маловато. Скажу вам прямо и положила руку на сердце, не заняться

ли вам, молодой человек, детективами?»

«Текст безусловно талантлив, — сказали Пете о его первом криминальном боевике, — но ему не хватает жизненной правды. Крови нужно добавить и не хватает расчлененки. Могу дать вам дружеский совет — попробуйте себя в другой литературной форме».

Тогда Петя решил перестроить свою творческую политику и принялся ваять книгу в жанре фэнтези. Однако очень скоро драконы встали ему поперек горла и он переключился на космическую оперу. Но и тут вышла невезуха. В его звездных войнах звездолеты летали как-то боком и криво, а космические рейнджеры постоянно забывали о невесомости и пороли полную пургу. Петя стоически выслушал привычный отказ.

И тут его осенило — он принялся за книгу о духовности и вере.

«Да бог с вами, молодой человек, — одернул его редактор, — Духовные искания, вера, идеалы, мы такой чепухой не занимаемся. И вообще, подумайте о том, что сейчас нужно людям».

«А что, — подумал Петя, понуро бредя по улицам, расцвеченным рекламой саун, массажных мастерских и ночных клубов, — я, кажется, знаю, что сейчас нужно людям». И он поспешил домой, чтобы сесть за эротический, местами даже порнографический роман, замешанный на больших деньгах и непрерывных случаях.

«В книге много находок, но, поймите, мил человек, что мы будет с этим единичным товаром делать? Принесите нам пяток такого непотребства, и тогда мы решим, как сотворить из вас гения от литературы».

Петя отправился домой со смешанным чувством надежды, отчаяния, радости и огорчения и взялся за продолжение сию же минуту. Прокорпев над рукописью с неделю, он неожиданно обнаружил, что его фантазия по данному вопросу исчерпана и, как творческий человек, он не может опуститься до повторов.

Тогда Петя переключился на родственную эротизму детскую литературу, но и тут не преуспел. Латентная педофилия его не привлекала.

«Вижу-вижу, вы, молодой человек, находитесь в творческом поиске, но, извините, мы не занимаемся поддержкой молодых талантов», — был ему ответ.

Наконец, Петя написал авангардистский, модернистский, а может быть, местами, даже и постмодернистский роман. Просто Петр не слишком-то разбирался в теории современной литературы, поэтому не мог определиться с жанром и с эпохой. Но в издательстве ему заметили: «такого добра у нас навалом, даже не знаем, куда его девать».

«Я быстро учусь, — молил Петя плачущим голосом, цепляясь руками за стол принимающего рукописи человека и не желая уходить. — Выделите по мою душу самого лютого редактора, и через полгода вы меня не узнаете».

«Нет у нас для вас редактора. И еще, молодой человек, и, лишь в силу моей к вам благорасположенности, скажу: «художка — это вам не «Война и мир», тут дело надо знать...»

Вспомнив, что Гоголь сжег вторую серию «Мертвых душ», Петр нашел бечевку покрепче и связал вместе книгу о духовности, порнографический роман, сборник детских рассказов и все остальные свои неизданные творения и попытался их сжечь. Но рукописи, как и подметил когда-то Булгаков, гореть отказались. Тогда он решил порвать их в мелкие клочья, но бумага вдруг приобрела такую невиданную доселе прочность, что рукописи не рвались. После чего, полный отчаяния Петюня пошел в лес и зарыл свой талант в землю.

Старательно утрамбовывая грунт и застилая могилу прелой листвой, он уже тогда отчетливо понимал, что его рукописи гнить не будут и, рано или поздно, проступят из небытия времен для публичного обозрения. В ночном кошмаре, который мучил его еще полгода, ему снилось, как пронзительные буквы его имени сначала вспарывают дерн, а потом, змеясь по почве, тянут к нему свои кровавые косноязычные руки.

* *

Шло время. Время шло вперед. Венино время тоже двигалось в аналогичную сторону. Он вырос и стал индивидуумом, годным к строевой службе и высшему образованию. Родственники напряглись и сделали его студентом, и, к удив-

лению, студент из Вениамина Самоедова получился хороший, подающий большие надежды. А дальше пошли сессии и дипломы, полевые практики и экспедиции в разнотдаленные от большой земли места, где аспирант Самоедов, выражаясь казенным языком научно-популярных штампов, открывал тайны живой природы.

Пока молодой ученый Самоедов отсутствовал, эволюция не стояла на месте, а бурно развилась в непонятную для последователей Дарвина сторону. В то время как Вениамин разглядывал в микроскопы уютный мирок одноклеточных, большой мир полностью сошел с ума и, видимо, вот-вот собирался перегрызть себе глотку от переполнявшей его ненависти. Глядя в экран телевизора и странствуя по расцвеченным рекламой улицам, Веня сопоставлял полученные полевые данные с переплетами своего детства и ничего, ничего не понимал в этой вновь зародившейся в его отсутствие жизни. Вениамин с горечью для себя открыл, что большинство писателей вовсе не волшебники, помогающие творить мир, и пишут они исключительно для заработка и славы, а сочиняют преимущественно не литературу, а тексты.

«Что же это творится?! — негодовал Самоедов. «Господи! Почему?! За что?!» — вопрошал Венечка, но Господь, походя разрушивший его представления о добре и зле, безмолвствовал. Плохую магию нужно исправлять хорошей, но в магии Веня ничего не смыслил, а враг был коварен и жесток.

И тогда он решил исправить ошибку Бога так, как подска-

зывала ему карма образованного человека. Вениамин был и оставался романтиком, поэтому снял со стены старинное ружье, доставшееся ему от прадеда, водившего дружбу с Чеховым. Веня со школьной скамьи помнил: если в пьесе появился ствол, значит нужно запастись и боеприпасами, что и сделал, посетив одно лицо кавказской национальности. Враг заполонил весь видимый для Вени свет, и цели были известны. Составив окончательный список главных погубителей русской литературы и для верности, чтобы не допустить какой-либо досадной ошибки, перечитав его пару раз, Самоедов закрыл свое милосердие на переучет.

О, что за подмосковные вечера выдаются в июле! Птицы еще поют на все голоса, но уже пахнет грибами, зеленый шум еще напоминает о себе, но солнце устраивает такие закаты, что Небо становится ближе. Именно в эту пору вышел на тропу войны по дачным угожьям литераторов герой и человек Вениамин Самоедов.

Какие глупости писали потом газеты? Какие конкуренты и недоброжелатели? Какие литературные завистники? Что за наемные убийцы и издательские войны? Это была его личная священная война, в которой он не брал пленных.

Читая очередную заметку с места событий, Веня возмущался: «Ну, кто так пишет! Кто так пишет!» — И, в конце концов, кидался к бумаге. — Надо не так, а вот так! Вот как надо!» Понимал ли он тогда, что просто делает зачистку, освобождая место для своего литературного бизнеса? Это

вряд ли.

Пока шла кампания по искусственному отбору, Вениамин соорудил у себя дома некое подобие языческого алтаря, в центре которого любовно расположил портрет Гоголя. С этого момента его месть сразу обрела сакральный смысл, в которой жрец и его жертва сливаются в единое целое в жертвенном же акте пред очами Николай Василича. После каждого удачного рейда, Веня садился у своего капища и совершал только ему одному понятный обряд, кульминацией которого составляла молитва за торжество веры, любви и надежды во всем мире и установлении свечи, персонально посвященной поэме «Мертвые души».

Ажиотаж по поводу Вениного начинания вскоре достиг невероятного масштаба. Собрание писателей клялось отомстить, скромно умалчивая фамилии мстителей, полиция обещала принять срочные меры, а депутаты — разобраться во всем, не торопясь. Издательства нанимали частных детективов, чтобы вычислить и грохнуть народного мстителя, но ревнитель литературы был неуловим.

Никогда еще, со времен дефолта, не было в столице и ее окрестностях такого интересного лета. Журналистское сообщество ликовало, главные редакторы возвращали народ из отпусков и спонтанно, после каждого информационного повода, устраивали праздничные загулы. Самые отчаянные вели собственные журналистские расследования, но тщетно, поэтому вскоре вокруг образа Вени выросла высокая стена

небылиц.

Мужскому контингенту книголюбов, мнящих себя интеллектуалами, все это было откровенно до фени, зато женская читательская аудитория разделилась на два непримиримых и враждующих между собой лагеря. Одни признавались московскому робин гуду в любви и слагали в его честь поэмы. Другие хотели выцарапать иуде глаза и затоптать это дикое животное острыми каблуками до смерти. Вене же вся эта шумиха вокруг него откровенно не нравилась.

Провоевав всего одно лето, он добился практически полной победы: издательское дело вошло в полосу кризиса, оставшиеся в его списке фигуранты забились по щелям или свалили за бугор. После чего капище было разобрано, а берданка выброшена в реку. К тому же Веня научился гладко писать боевики, правда, им не хватало иронии, но сия недостача с лихвой компенсировалась избытком жизненной правды.

По осени Вениамин Самоедов решительно распахнул дверь самого большого издательства России и мгновенно стал полноправным членом писательского братства.

* *

«А как же искусство? А как же всепожирающий огонь творчества? — спросите вы. — А как же это внутреннее желание создать нечто, чего до тебя никогда не было, а после тебя уже будет?» Извините, уважаемые, но вы еще о высоком

призвании художника вспомните. Нечего путать божий дар с яичницей. Вы еще спросите: «А как же вдохновение, созидательный порыв, душевная потребность выразиться?» Помилуйте. Где вы только слов таких набрались? Все сие есть анахронизмы и глупости, которые современному автору без надобности. Они только жить мешают. Приличный человек не то чтобы произносить, он даже думать эти слова не будет.

Для чего вообще пишут книги? Сейчас я вам все об этом расскажу. Все писатели делятся на две группы. Первые в первую очередь хотят прославиться, а уж потом получить много денег. А во вторую группу входят писатели, которые хотят в первую очередь получить много денег, а уж потом прославиться. И поверьте мне, человеку абсолютно нейтральному и предельно беспристрастному, больше между писателями никакой разницы не существует.

Вы возразите, что, мол, авторы Евангелия слагали, де, свои книги не ради славы и денег, а ведомые верой и высокими нравственными идеалами? Побойтесь бога! Какая, к черту, вера! Ребята, которые писали Евангелия, тоже есть хотели. И, говоря начистоту, евангелисты прекрасно вписались в существующий в ту пору истеблишмент. Литературные агенты оказались на высоте, издательский менеджмент не подкачал, да и с рекламой дела обстояли неплохо. Хотя, справедливости ради, стоит признать — средства массовой информации были тогда развиты неважнецки.

Нет, нет и нет! Так дело не пойдет. Насилие, убийства, кровь. Ничего нового в такой истории нет, а значит и история такая никому не нужна, а нужна другая история. К тому же как это поэтический строй Вениной души сочетается с охотой на людей? Как Тургенев с «Записками охотника»? Нет. Как мед с селедкой. Посему его драма будет отныне иной.

«Господи! Почему?! За что?!» — вопрошал Веня, но Господь, походя разрушивший его представления о добре и зле, безмолвствовал. Десять лет назад, начитавшись до умопомрачения Майринка и Лавкрафта, Веня угодил в психиатрическую больницу. Диагноз он свой не знал, но сейчас понимал, что без шизофрении дело не обошлось. За то время, пока Вениамину лечили голову, мир полностью сошел с ума и, видимо, вот-вот собирался перегрызть себе глотку от переполнявшей его ненависти.

Глядя в экран телевизора, инспектируя расцвеченные рекламой улицы, Веня сравнивал увиденное с переплетами своего детства и ничего, ничего не понимал в этой новой свалившейся ему на голову жизни. Вениамин с горечью для себя открыл, что большинство писателей вовсе не волшебники, помогающие творить мир, и пишут они исключительно для заработка и славы и сочиняют преимущественно тексты. Плохую мистику нужно исправлять хорошей, но в мистике Веня ничего не смыслил, а враг был коварен и жесток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.